

280
A 65

281.9

РАСКОЛЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЦѢРКЪ

В. В. Андреева

ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи М. Хана, Болотня, № 5

1870

364062

62

Послѣдователи раскола—безспорно вмѣстѣ и представители нашего земства, нашей народной массы. Послѣдователи раскола—самая трезвая, работающая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства. Не скажемъ, чтобы они были лучшіе представители нашей простонародной среды. Умъ еще не даетъ права на общее нравственное превосходство: много значить и сердце. Но представители раскола—безспорно вмѣстѣ представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ. Изученіе раскола съ догматической и административной точки зрѣнія не повело и не могло повести ни къ чему. Расколъ можетъ быть изучаемъ только съ земской точки зрѣнія, въ связи съ главными событіями народной исторіи.

Земское значеніе раскола понималось давно, но въ виду традиціонно-ложныхъ взглядовъ не высказывалось. Впервые оно было въ общихъ чертахъ указано г. Щаповымъ.

По появленіи выводовъ г. Щапова одни упрекали его въ недостаточно-либеральномъ взглядѣ на расколъ, между тѣмъ какъ другіе, сжившіеся со старымъ взглядомъ на расколъ, видѣли въ воззрѣніяхъ г. Щапова чуть не социальную пропаганду. Намъ кажется, что историкъ не долженъ останавливаться на подобныхъ возраженіяхъ. Либеральная пропаганда должна быть оставлена публицистикѣ; поддержаніе старыхъ взглядовъ, ради ихъ древности и административныхъ соображеній — должно быть предоставлено специалистамъ другихъ сферъ. Историкъ долженъ имѣть въ виду исключительно правду и безпристрастіе.

Изученіе нашего раскола съ народно-исторической точки зрѣнія оставляетъ въ душѣ убѣжденіе, что если русская народная среда стоитъ пока вообще на не высокой степени развитія, то это исключительно благодаря временнымъ вреднымъ вліяніямъ, недававшимъ

должнаго исхода русскому народному уму и обращавшимъ его усилія на бесплодную гражданскую борьбу и мертвящую духъ догматическую схоластику. Съ исчезновеніемъ этихъ препятствій духовныя силы миллионовъ людей изъ народа принявъ участіе въ умственной жизни общей русской гражданской семьи должны возвысить уровень, на которомъ стояли русская мысль и русское развитіе въ то время, когда лишь сотни тысячъ во всемъ обширномъ царствѣ были призваны къ какой нибудь умственной работѣ, да и тѣ глохли при порядкѣ вещей, дававшимъ право однимъ безъ труда, мысли и духовнаго напряженія жить работою другихъ. Расколъ, родившійся и вскормившійся съ крѣпостнымъ правомъ, съ отмѣною его терпѣть характеръ отчужденія народныхъ массъ отъ прочихъ русскихъ людей. Какъ скоро онѣ присоединять свои силы на общую гражданскую работу Россіи — невысокій уровень, — на которомъ наша мысль и наше гражданское развитіе справедливо стоятъ въ мнѣніи людей не увлекающихся ложно-патріотическими взглядами, и внѣ Россіи, — долженъ будетъ измѣниться.

Петербургъ, 19-го іюня.

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Расколъ въ своемъ происхожденіи является протестомъ земства противъ поглощенія его правъ центральною властью. Расколъ въ своемъ историческомъ развитіи борется не за старину, а противъ способа введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства. Старина для него лишь предлогъ.

2) Политико-религіозныя партіи въ Россіи появляются одновременно съ отмѣною земскихъ народныхъ правъ, начавшеюся при Дмитріи Донскомъ.

3) Собственно расколъ совпадаетъ по своему появленію съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершеною окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

4) Властолюбіе и рѣзкій нравъ Никона только ускорили появленіе раскола, которое было неизбежно при господствовавшихъ государственныхъ порядкахъ того времени.

5) Расколъ явился оппозиціею не только земскихъ вообще, но и мѣстныхъ, областныхъ правъ и преданій объединявшимъ и уравнивавшимъ стремленіемъ центральной власти. Отсюда большое число согласій и толковъ, на которыхъ отразилась этнографическая рознь русскаго населенія и невозможность единства въ оппозиціи раскола.

6) Оппозиція стариннаго новгородскаго сѣвера отразилась въ беспоповщинѣ; оппозиція старины московской—въ поповщинѣ.

7) Расколъ какъ протестъ принимаетъ преимущественно тотъ харак-

теръ въ данную эпоху, какой обусловливается слабыми сторонами въ порядкѣ государственнаго управленія: въ эпоху религіозныхъ гоненій онъ является съ церковнымъ оттѣнкомъ; при Петрѣ I и политическихъ гоненіяхъ—съ оттѣнкомъ политическимъ; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ социальномъ положеніи народа и благодаря остающемуся крѣпостному праву, расколъ принимаетъ оттѣнокъ социальный, экономическій. Такимъ образомъ въ исторіи раскола выдаются три періода: а) расколъ какъ религіозная секта до Петра I; б) какъ политическая оппозиція—до Екатерины II; в) какъ промышленная и торговая община съ Екатерины II.

8) Оставаясь оппозиціею правительству по вопросамъ внутренней политики, расколъ никогда не былъ политически опасенъ Россіи. Напротивъ, коренясь въ исконномъ русско-славянскомъ населеніи, враждуя сначала въ своемъ зародышѣ съ татарскимъ элементомъ, потомъ съ западно-европейскими нововведеніями, и вообще со всѣмъ, что навязывалось извнѣ, расколъ, гонимый изъ центра Россіи на русскія окраины и за русскіе предѣлы, всюду прививалъ русскую народность и содѣйствовалъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и пріобрѣтенію Россіею новыхъ областей.

9) На отдѣльныхъ согласіяхъ и толкахъ раскола отразились особенности разноплеменнаго русскаго населенія. Эти особенности можно прослѣдить въ ученіяхъ и правилахъ раскольничьихъ сектъ. Древне-славянская и финская старина имѣла свою долю участія въ образованіи сектъ раскола.

10) Вліяніе европейскаго запада отразилось у насъ на появленіи сектъ духоборцевъ и молоканъ. Если вообще расколъ стоялъ за сравнительно большую свободу и права женщины—что ему придавало особенную общественную силу и значеніе—то всего больше стоитъ за это молоканская секта, пріобрѣтшая, благодаря этому и другимъ своимъ правиламъ, большое нравственное вліяніе.

11) Вліяніе востока отразилось на религіозныхъ убѣжденіяхъ русскаго народа происхожденіемъ сектъ: хлыстовской и скопческой. Востокъ ввелъ

и въ другія секты и согласія элементъ принятія возбуждающихъ средствъ съ религіозными цѣлями.

12) Единовѣріе явилось слѣдствіемъ примирительнаго вліянія политики Екатерины II въ отношеніи къ расколу. Отмѣна крѣпостнаго права и положеніе о земскихъ правахъ, дарованное въ нынѣшнее царствованіе, повели къ подрыву раскола какъ оппозиціи и къ паденію авторитета Бѣлокриницкой іерархіи, явившейся вслѣдствіе предшествовавшаго преслѣдованія старообрядческаго священства при невозможности для московскихъ поповцевъ, при устройствѣ ихъ гражданскаго быта, сдѣлаться безпоповцами и самосправщиками. Но окончательно расколъ можетъ утратить нынѣшній религіозно-и соціально-оппозиціонный характеръ только когда начатое земское дѣло приведено будетъ къ благополучному исходу.

13) Привилегированныя сословія принимали участіе въ народномъ расколѣ только пока привилегіи ихъ были не полны. Впослѣдствіи масонство является отчасти въ роли раскола въ высшемъ обществѣ, какъ попытка найти уместившую пищу. Но расколъ какъ протестъ остается исключительнымъ достоинствомъ закрѣпощеннаго народа.

14) Сліяніе Малороссіи съ остальною Россіею имѣло вліяніе на расколъ: преслѣдованіе раскола малороссійскими уроженцами, стоявшими во главѣ господствующей церкви, придало расколу великорусскій характеръ.

15) Крѣпостное право было главною причиною зарожденія раскола какъ народнаго протеста. Болѣзненное ожиданіе освобожденія родило въ закрѣпощенныхъ массахъ вѣру въ пришедшаго искупителя и привело къ образованію хлыстовской секты.

16) Въ исторіи раскола примѣчается одно общее явленіе: чѣмъ сильнѣе гоненіе на него, тѣмъ ожесточеннѣе его оппозиціонный характеръ. Какъ скоро прекращаются стѣсненія — враждебный властямъ характеръ раскола исчезаетъ.

17) Религіозное настроеніе массъ, доходящее, благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ, гигиеническимъ и соціальнымъ условіямъ до тапіа religioza (помѣшательство на вопросахъ религіи), безспорно отразилось на расколѣ и въ особенности на богословскихъ спорахъ послѣ-

дователей его; но вожаки раскола, набирая себѣ сторонниковъ между тѣми въ народной массѣ, въ комъ выказывалась наклонность къ мышленію и умственному развитію, и занимая ихъ религіозными вопросами, сами въ религіи видѣли только предлогъ, а не сущность протеста, олицетворяемаго расколомъ. Религія явилась какъ средство занять тѣхъ, чья наклонность къ мышленію могла естественно остановиться только на религіозной почвѣ, такъ какъ въ народной массѣ распространены были только церковныя книги, а мышленіе народныхъ массъ обыкновенно направляется запасами свѣдѣній, которыми онѣ располагають.

РАСКОЛЪ, КАКЪ ПРОТЕСТЪ.

Неужели оттого, что одни крестились двумя перстами, чтили старопечатныя книги, осьмиконечный крестъ и пѣли сугубую алилуію, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по исправленнымъ патріархомъ Никономъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную алилуію—неужели отъ этого 10 миліоновъ народа отпали отъ прочей массы русскаго населенія, чуждаются ея, избѣгаютъ общенія съ нею?.. Здравый смыслъ отказывается вѣрить, чтобы *расколъ*, внесшій такую рознь въ среду миліоновъ русскихъ людей, былъ слѣдствіемъ отступленія во второстепенныхъ подробностяхъ религіознаго догматизма и церковной обрядности.

Нѣтъ, не эти отступленія *расколоми* русскій людъ на двѣ половины. Если бы борьба и пренія въ области религіозной догматики исчерпывали причины, произведшія расколъ, то расколъ существовалъ бы почти съ самаго начала Руси. А между тѣмъ онъ является лишь много столѣтій спустя, много времени послѣ того, какъ высказалась рознь во

взглядахъ населенія разныхъ русскихъ мѣстностей по религіознымъ вопросамъ. Исправленія церковныхъ книгъ уже потому нельзя принимать за источникъ раскола, что исправленіе это началось очень давно, а между тѣмъ о расколѣ было не слышно. Исправляли церковныя книги: митрополитъ Алексѣй, Максимъ Грекъ, архимандритъ троицкій Діонисій, патр. Филаретъ, а между тѣмъ раскола до Никона не существовало. Истинная причина происхожденія раскола кроется, очевидно, глубже.

Славянскія племена, наскучивъ набѣгами варяжскихъ ватагъ, пригласили князей изъ варяговъ съ ихъ дружинами поселиться между ними и защищать ихъ отъ набѣговъ соплеменниковъ-варяговъ. За эту защиту славяне давали князьямъ землю и доходы. Князь защищалъ ихъ не однимъ мечемъ: такъ, Олегъ собираетъ 150 фунтовъ серебра для отпращиванія къ варягамъ за море для поддержанія съ ними мира (1). Разъ утвердись въ славянской землѣ, варяжскіе князья, естественно, стараются увеличить свою власть. Попытка новгородцевъ возстать подъ предводительствомъ Вадима противъ Рюрика окончилась для нихъ неудачно. Князь могъ теперь распоряжаться уже какъ въ завоеванной землѣ. Власть его однако не могла быть отяготительна. Узы, соединявшія князя съ его подданными, были очень слабы. Рюрикъ, будучи княземъ въ русской землѣ, принимаетъ участіе въ морскихъ набѣгахъ норманновъ на западную Европу (2); Олега и Игоря при-

(1) Погодинъ, Норманскій періодъ, стр. 11.

(2) Исслѣдованія проф. Крузе. Ж. М. Н. Пр., т. X, стр. 513.

влекать къ себѣ больше богатый Царьградъ, нежели платящія скудную дань веси славянскихъ племенъ; Святославъ даже совсѣмъ хочетъ оставить русскую землю и утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Притомъ, не въ духѣ варяжскихъ князей было стараться о распространеніи своей власти, о приобрѣтеніи верховныхъ правъ. Князь оставался не болѣе, какъ начальникомъ въ извѣстной мѣстности; онъ получалъ дань на содержаніе себя и дружины, чинилъ судъ и расправу, защищалъ подвластныя ему племена. Сообразуясь съ нынѣшними понятіями, его можно было назвать губернаторомъ, но никакъ не государемъ данной мѣстности. Внутренніе распорядки, земскія права—оставались неотъемлемою собственностью славянской общины. Земство играло и политическую роль наравнѣ съ княземъ; такъ, оно имѣло своихъ пословъ при Олгѣ и Игорѣ для переговоровъ съ греками (1). Славянская община уступила политическую независимость, но ревниво охраняла свои земскія права. Только Владиміръ, сынъ Святослава, рѣшается предъявить права на верховную власть. Христіанская вѣра вводится по рѣшенію великаго князя. Въ Новгородѣ еще до того существовала христіанская церковь Преображенія Господня; но теперь новгородцы сочли введеніе христіанства, по приказу князя, нарушеніемъ своихъ земскихъ, народныхъ правъ—возмутились и разрушили церковь Преображенія. Возмущеніе было подавлено. Но только личные таланты Владиміра позволили ему возвысить

(1) Временникъ II. М. О. II., т. I, стр. 4.

княжескую власть на степень, на которой она никогда не стояла. Уже при дѣтяхъ Ярославъ княжеская власть является съ прежнимъ значеніемъ. Если земство довольно княземъ, оно содержитъ его и даетъ ему княжескія льготы; недовольно оно имъ— оно указываетъ ему дорогу изъ города. Время удѣловъ является эпохою частаго перемѣщенія областныхъ начальниковъ на Руси, эпохою ихъ частыхъ распрей и междоусобій, которыя почти не отзывались на массѣ народа. Народъ жилъ своею обыкновенною земскою жизнью, не заботясь о раздорахъ своихъ временныхъ правителей и почти не терпя отъ этихъ раздоровъ.

Славянская община ревниво охраняла свою земскую независимость, но значеніе князя на Руси измѣнилось, когда славянская колонизація проникла въ область финновъ. Этнографическая наука признаетъ финновъ полувосточнымъ народомъ. Въ средѣ восточныхъ народовъ взглядъ на гражданскія отношенія не тотъ, который господствовалъ у славянъ, варяговъ и другихъ европейскихъ народовъ. Въ смѣшанномъ финско - славянскомъ населеніи княжеская власть утвердилась на другихъ началахъ. Андрей Боголюбскій уже былъ государемъ русской земли. На берегахъ Клязьмы великокняжеское званіе является уже на степени величія, какой никогда не могло достигнуть на берегахъ Днѣпра и Волхова. Татарское владычество, утвердивъ на Руси восточные порядки, произвело окончательное измѣненіе въ понятіи о великокняжескомъ достоинствѣ. Великій князь является мало по малу верховнымъ владѣтелемъ русской земли. Но пока продолжаются

васальные отношенія Руси къ Золотой Ордѣ, земство сохраняетъ многія изъ своихъ старинныхъ правъ. Тотъ же Дмитрій Донской, который дѣлаетъ попытку отложиться отъ Орды, заноситъ вмѣстѣ окончательно руку и на земскія права народа. Въ 1374 г. была уничтожена должность московскаго тысяцкаго. Это событіе по справедливости считается рѣшительнымъ шагомъ въ ослабленіи земщины. Сынъ послѣдняго тысяцкаго Василья Вельяминова, Иванъ, назвавшійся тысяцкимъ противъ воли великаго князя, былъ схваченъ пять лѣтъ спустя въ Серпуховѣ и казненъ въ Москвѣ на Кучковомъ полѣ при слезахъ народа (1). Въ 1356 г., слѣдовательно еще до Донскаго, убитъ былъ московскій тысяцкій Алексѣй Петровичъ «всѣхъ бояръ общемою думою» и важное значеніе званія тысяцкаго — какъ представителя земства — въ то время достаточно уясняется изъ словъ лѣтописца, который, говоря объ этомъ событіи, сравниваетъ смерть тысяцкаго со смертью Андрея Боголюбскаго, убитаго мятежными боярами (2). Отношенія тысяцкаго къ вел. князю характеризуются однимъ слѣдующимъ случаемъ. Послѣдній тысяцкій на сватбѣ Донскаго далъ вел. князю поясъ (непремѣнная принадлежность тогдашней распашной одежды) поменьше, а великокняжескій поясъ подарилъ сыну своему Микулѣ, женатому на суздальской княжнѣ. Но при Донскомъ, послѣ казни послѣдняго тысяц-

(1) Временникъ, I, 17.

(2) А. Г. Нѣсколько данныхъ о состояніи Россіи съ конца XIV в. до начала XVI (Совр., 1860, № 4).

каго, московская земская рать ходитъ въ походы еще отдѣльно отъ великокняжеской. При сынѣ Донскаго, Васильѣ Дмитріевичѣ, земская рать уже поставлена подъ начальство великокняжескаго воеводы. Однако еще при Иванѣ IV полки земскіе сохраняли виѣшнее отличіе отъ полковъ царскихъ ('). Впрочемъ, хотя Иванъ IV отдѣляетъ опричнину отъ земщины, относя къ опричнинѣ 27 городовъ и даже назначаетъ надъ земщиною особаго царя, Симеона, но уже отъ земскихъ правъ теперь осталась едва одна тѣнь. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, исполнѣ законченное при Алексѣѣ Михайловичѣ, порѣшило исполнѣ съ земскими правами.

Исторія земства въ Россіи находится въ прямой связи съ исторіей раскола. Введена христіанская вѣра въ Россіи—и почти вслѣдъ затѣмъ являются ереси въ ней. Но ереси Мартина и др. въ XI и XII вѣкѣ явились, были осуждены и не произвели раскола. Въ XV столѣтіи являются первыя ученія, грозяція расколомъ. Вспомнимъ, что эта эпоха зарожденія раскола совпадаетъ съ уничтоженіемъ земскихъ народныхъ правъ. Особенности въ дѣлѣ церковной обрядности существовали и прежде въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Церковныя книги переписывались съ добавленіями и ошибками, и въ этомъ видѣ входили въ употребленіе. Уже это одно вело къ недоразумѣніямъ и разногласіямъ. Разномысліе тутъ было слѣдствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя обусловливали различіе во взглядахъ населенія разныхъ мѣстностей въ другихъ сферахъ народнаго

(¹) Временникъ, I, 19.

быта. Русская равнина должна была увидѣть на себѣ одно государство, но на огромномъ протяженіи она представляла мѣстности разнообразныя по природѣ и климату, по условіямъ быта, и политическое единство не обусловливало на ней, особенно при варяжскихъ князьяхъ, земскаго единообразія. Утвержденіе единодержавія естественно подводило бытовыя условія народа подъ одинаковыя формы. Что прежде было особенностью, то теперь становилось отступленіемъ отъ нормы, выдѣленіемъ изъ общаго правила. Мѣстное отличіе теперь мало по малу начало превращаться въ расколъ. Разнодержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ; единодержавіе вводило единеніе и единообразіе, и мѣстная особенность, если она не уступала выработаннымъ въ правительственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ.

Исправленіе церковныхъ книгъ явилось первымъ слѣдствіемъ желанія провести единство формъ въ церковномъ чиноположеніи. Стремленіе къ утвержденію единообразія церковнаго служенія должно было проявиться тотчасъ же, какъ скоро среди объединяемой Россіи явился правительственный центръ, сдѣлавшійся вмѣстѣ церковно-административнымъ центромъ. Но пока продолжалось дѣло объединенія и окончательнаго упроченія правительственнаго центра, пока земскія права были отмѣняемы постепенно и еще нѣкоторыя изъ нихъ существовали—до тѣхъ поръ были только почины исправленія церковныхъ книгъ. Окончательное исправленіе совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда Россія была не

только вполне объединена, но и земскія права въ ней окончательно поглощены центральной властью.

Въ это-то время и является расколъ. Во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ соборъ русскихъ и греческихъ іерарховъ могъ со знаніемъ дѣла указать и исправить ошибки переписчиковъ церковныхъ книгъ. Этихъ ошибокъ была бездна и не признать ихъ за ошибки могло только полное невѣденіе. Какъ ни сильна была власть Никона, какъ патріарха, но странно было бы предположить, что онъ самъ собою могъ сдѣлать ошибочныя нововведенія. Наконецъ, еслибы самъ Никонъ могъ стараться о нововведеніяхъ, только чтобы не было по старому, чтобы взять верхъ надъ своими противниками, — въ чемъ прямо обвиняютъ его эти противники, какъ напр. протопопъ Аввакумъ, — то не надобно забывать, что около него былъ соборъ іерарховъ, и не однихъ русскихъ, который не допустилъ бы неправыхъ нововведеній. Мнѣнія Никона не были свободны отъ ошибокъ. Доказательство этому мы видимъ въ осужденіи соборомъ, собраннымъ для суда надъ Никономъ, двухъ его положеній. — Никонъ строго запретилъ освящать воду наканунѣ Богоявленія и причащать преступниковъ предъ казнью. Соборъ 1667 г. отмѣнилъ эти постановленія (1). Если онъ исправилъ эти ошибки бывшаго патріарха, то очевидно, отъ него не укрылись бы и другія. Но онъ подтвердилъ положенія никоновскаго собора объ исправленіи книгъ. И такъ, не Никонъ былъ причиною раскола, а такъ сложились обстоятельства,

(1) Муравьевъ, 73—74.